

ПАТРУШЕВ СЕРГЕЙ

НОЧЬ

Сергей Патрушев

Ночь

<https://litres.ru/74614169>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где свет ослепляет, а тьма пугает, Белла находит силу в тенях. Она целительница душ, способная подарить покой тем, кто утратил сон и надежду.

Но когда её дар привлекает внимание могущественной Тени, жаждущей власти, Белле предстоит сделать выбор: остаться хранительницей покоя или стать оружием в войне света и мрака.

Сможет ли любовь выжить там, где ночь становится бесконечной?

Содержание

Глава 1. Рождение из Тени	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Патрушев

Ночь

Глава 1. Рождение из Тени

Принято считать, что тьма — это пустота. Дыра в ткани бытия, где выгорел свет, оставив после себя лишь холодную, зияющую немоту. Люди боятся ее, зажигая огни не столько для того, чтобы видеть, сколько для того, чтобы отогнать этот первобытный страх перед отсутствием. Они чертят круги из факелов, запирают двери на тяжелые засовы и жмутся друг к другу, веря, что их тепло способно заполнить бездну. Они думают, что свет — это творец, а тьма — лишь его неудачная тень, побочный продукт, мусор мироздания.

Они ошибаются.

Тьма — это не отсутствие. Тьма — это утроба. Это первородная, бархатная, бесконечная колыбель, в которой свет только учится дышать. Прежде чем вспыхнула первая звезда, не было пустоты — была плотность. Невероятная, всепоглощающая, беременная всем сущим масса, где в абсолютном покое спали будущие цвета, звуки и смыслы. Свет — это крик новорожденного, резкий, болезненный и ослепительный. Он вырывается наружу, чтобы заявить о себе, чтобы разделить мир на «здесь» и «там», на «я» и «другие». А

тьма остается матерью, которая принимает этот крик, обволакивает его своим бездонным чревом и убаюкивает, чтобы крик не разорвался от собственного эха.

Белла знала это не из книг. Знание жило в ее костях, в пульсации ее крови, в том странном, густом воздухе, который всегда стоял вокруг нее, даже в самый ясный полдень. Она не была рождена в знатной семье, где младенцев пеленают в шелка, а их первый крик встречают серебряными колокольчиками. Она не знала запаха ладана в родильной палате и шепота благословений. Ее первой колыбельной стал скрип промерзшего дерева, а первым одеялом — липкий, тяжелый ночной туман.

Ее нашли в канун зимнего солнцестояния, в самую темную ночь года, когда солнце уходило за горизонт так рано и нехотя, словно само сомневалось, стоит ли возвращаться. Старый привратник брат Микаэль, кутаясь в грубый шерстяной плащ, вышел к воротам аббатства Святого Себастьяна, чтобы проверить запоры. Ветер с севера гнал по брусчатке ледяную крошку, и в этом ветре брату Микаэлю слышался плач. Тонкий, прерывистый, не похожий на человеческий. Так скулит щенок, брошенный в сточную канаву.

Он посветил фонарем за ворота. На каменном пороге, там, где лед намерзал причудливыми, острыми цветами, стояла плетеная корзина из ивовых прутьев. Внутри, на скомканном куске мешковины, лежал младенец. Девочка. Она не кричала. Она смотрела в чернильное, беззвездное небо ши-

роко открытыми, совершенно темными глазами, в которых не было белков — лишь два провала в абсолютную ночь. И пока брат Микаэль, бормоча молитвы, дрожащими руками доставал ее, девочка не издала ни звука. Она просто смотрела на него, и старому монаху на мгновение показалось, что это не он нашел ребенка, а сама ночь протянула ему свой дар, завернутый в человеческую плоть.

В приюте при аббатстве ее называли Беллой. Имя дали сестры-монахини, сжалившись над ее не по-детски серьезным, темным личиком. «Bella», — прошептала мать-настоятельница, глядя, как младенец спит в колыбели посреди общей детской. — «Красивая». Но красота ее была странной, тревожной. Она не сияла. Она поглощала. Свет свечей, казалось, обрывался на границе ее лица, не в силах осветить черты, делая их резкими, высеченными из обсидиана.

Белла росла чужой среди шума дня. Приют Святого Себастьяна был местом суетливым, громким и пахнущим кислой капустой, карболкой и несбывшимися надеждами. Дети здесь жили громко: они дрались за лишний кусок черствого хлеба, ябедничали из-за сломанной деревянной лошадки, ревели от сбитых коленок и смеялись так, что дрожали стекла. Это был мир резких углов, ярких красок и бесконечного, изматывающего движения.

Белла же была тишиной.

Она могла часами сидеть в углу двора, под старой, скрюченной яблоней, и просто смотреть на тени. Пока другие де-

ти играли в салки, она следила за тем, как пятно темноты от облака ползет по траве, как оно пожирает солнечный свет, как меняет фактуру земли. Она не боялась темных углов в коридорах, где, по слухам, водились крысы и призраки умерших сирот. Напротив, именно там она чувствовала себя в безопасности. В темноте не было этого оглушающего, липкого, требовательного дневного мира. Там все становилось настоящим.

Сестры считали ее странной, почти блаженной. Она редко плакала, но и редко улыбалась. Она ела медленно, словно каждый кусок хлеба требовал долгого размышления. Она не играла в куклы. Вместо этого она собирала в подол своего серого платья тени. Старшая сестра Агата однажды застала ее за этим занятием: Белла стояла в полумраке чулана, вытянув ладони, и медленно сводила их вместе, словно лепила снежок. — Что ты делаешь, дитя? — строго спросила монахиня, зажигая свечу. Белла вздрогнула, и то, что было у нее в руках — густое, осязаемое, бархатное — мгновенно растаяло, впитавшись в половицы. — Я их успокаиваю, сестра, — тихо ответила девочка. — Они устали бегать за светом. Сестра Агата перекрестилась и поскорее увела ее на урок катехизиса, решив, что дитя просто перегрелось на солнце, хотя в чулане было холодно, как в склепе.

Ей было восемь лет, когда тьма впервые ответила ей. Это случилось в дортуаре, длинной комнате с двумя рядами скрипучих железных кроватей. Вечер выдался тяжелым.

За стенами аббатства выла выюга, а внутри, под низким сводчатым потолком, назревала буря иного рода. Два старших мальчика, Клаус и Марко, не поделили украденную накануне у булочника краюху хлеба. Спор, начавшийся с шипения, быстро перерос в глухие удары.

Детская жестокость лишена театральности взрослой. Она скупа, эффективна и полна глухой, животной ярости. Клаус, старший и более сильный, прижал Марко к подоконнику, сдавив ему горло локтем. Марко хрипел, царапая его руку, его лицо наливалось багровой, удушливой синевой. Остальные дети замерли. Кто-то тихо плакал, кто-то вжался в подушку, но никто не смел вмешаться. Сестры ушли в свою келью, а ночной смотритель еще не заступил на пост. В воздухе пахло немытыми телами, страхом и медным привкусом чужой боли.

Свет. Все дело было в свете.

Единственная сальная свеча, стоявшая на дубовом столе в центре комнаты, чадила. Ее пламя металось от сквозняка, бросая на стены огромные, дергающиеся тени. И эти тени, казалось, подстегивали драчунов. Тень Клауса на стене выглядела чудовищной, многорукой, разрывающей жертву. Тень Марко билась в агонии. Свет не приносил порядка. Он лишь высвечивал самые уродливые детали, делал их рельефными, настоящими, доводя истерику до точки кипения.

Белла лежала на своей койке, в самом темном углу, у двери. Она смотрела не на драку. Она смотрела на фитиль свечи.

Она видела, как дрожит горячий воздух над ним, как жадно, с черным ореолом, плавится воск. Она чувствовала голод этого пламени. Оно хотело поглотить весь кислород в комнате, оно хотело сжечь их всех — и жертву, и палача, и зрителей.

Внутри нее что-то поднялось. Не злость. Не страх. Это было чувство сродни тому, что испытывает мать, когда чужой человек грубо трясет ее спящего ребенка. Белла села на кровати.

Она не произнесла заклинаний — она не знала ни одного. Она не сделала пассов руками. Она просто закрыла глаза и сделала то, что делала каждую ночь, когда не могла уснуть от храпа соседей: она потянулась к темноте.

Это не было похоже на магию из сказок. Не было ни вспышек, ни грохота. Белла просто представила, как бархатная, тяжелая ткань ночи соскальзывает с потолка. Она представила, как эта ткань накрывает пламя свечи. Не бьет его, не тушит силой, а именно накрывает — мягко, плотно, как заботливая рука накрывает рот больному во время приступа кашля, чтобы его не слышали. Она представила, как тьма входит в самое сердце огня, обнимает каждую искру, заполняет собой пространство, где только что танцевал кислород, и просто... забирает его дыхание себе.

Раздался тихий, влажный звук. Не шипение, а скорее вздох облегчения. Пламя не дернулось. Оно просто втянулось само в себя, превратившись на долю секунды в алуку

точку, а затем исчезло.

В дортуаре воцарилась абсолютная, первородная темнота. Первую секунду ничего не происходило. Слышалось только тяжелое, хриплое дыхание Марко, который медленно сползал на пол, и сопение Клауса, сжимающего в кулаке хлеб.

А потом свет исчез.

И вместе со светом исчезла их ярость.

Тьма, заполнившая комнату, не была пустой. Она была густой, как чернила, и теплой. Она пахла озоном после грозы, старым деревом и почему-то — молоком. Она не пугала. Она обнимала. Она прижалась к разгоряченным лицам детей, остудила их пылающие уши, скользнула под одеяла.

Марко, все еще держась за горло, перестал хрипеть. Его пальцы разжались. Клаус отпустил его и замер, тяжело дыша, но его дыхание с каждым вдохом становилось все ровнее, все тише. Гневу, как и огню, нужен свет, чтобы видеть свою жертву. В абсолютной темноте некого бить. Не на кого кричать.

В наступившем мраке дети начали засыпать.

Это не было обычным сном, вызванным усталостью. Это было падение. Безопасное, мягкое падение в материнские ладони. Белла чувствовала это физически, словно ее сознание расширилось до размеров комнаты, и она сама стала этой бархатной тьмой. Она слышала, как замедляются сердечные ритмы. Слышала, как скрип кроватей сменяется тихим, мер-

ным дыханием. Тьма не просто скрывала их от мира — она лечила их. Она штопала невидимые дыры в их душах, которые днем рвали грубые слова и голод. Она убаюкивала их страхи, как убаюкивают младенца, прижимая к груди.

Белла не спала. Она сидела на своей кровати, став частью этой ночи, и слушала, как впервые за много лет в приюте Святого Себастьяна наступает настоящий покой.

Дверь со скрипом отворилась спустя полчаса. В проем просунулась масляная лампа ночного смотрителя брата Иеремии. Желтый, жирный свет ворвался в комнату, как незванный, грубый гость. Он резанул по глазам, разрушил чары, заставил детей на кроватях беспокойно заворочаться.

Брат Иеремия вошел, тяжело опираясь на клюку. Он обвел сонным взглядом ряды кроватей. — Опять свечу задудли, бесенята, — проворчал он себе под нос. — Экономите они... Сестру Агату на вас нет.

Он прошел к столу, взял огниво и с четвертой попытки, рассыпая искры, заново запалил сальный огарок. Пламя затрещало, снова бросая на стены уродливые, дерганные тени.

Смотритель прошел мимо кровати Беллы. Он остановился. Что-то заставило его замереть. Он был простым, недалеким человеком, привыкшим к запаху кислой капусты и стонам ревматизма, но даже его грубое сознание уловило диссонанс.

Он посмотрел на Беллу.

Девочка сидела, обхватив колени руками. В желтом свете

свечи ее лицо казалось бледным, почти восковым. Но смотритель смотрел не на лицо. Он смотрел в ее глаза.

В них не отражалось пламя.

Обычно, когда смотришь на человека в полумраке, в его зрачках всегда пляшет крошечный огонек — копия свечи, костра или окна. В глазах Беллы не было ничего. Там была та же самая, абсолютная, бархатная пустота, что царила в комнате несколько минут назад. Брату Иеремии на мгновение показалось, что если он шагнет в эти глаза, то провалится. Что за ними нет ни черепа, ни мозга, а лишь бесконечная зимняя ночь, в которой спят нерожденные звезды.

— Блаженная, — пробормотал смотритель, быстро перекрестившись, и поскорее отвел взгляд. — Спаси и сохрани.

Он отвернулся, плотнее запахнул свой тулуп и побрел к выходу, бормоча под нос молитву святому Себастьяну, прося защиты от странностей этого места. Он плотно затворил за собой тяжелую дубовую дверь.

Как только лязгнул засов, Белла позволила себе выдохнуть. Она медленно подняла руку и посмотрела на свои ладони. Они слегка покалывало, словно она весь день несла в руках лед.

Она не убила свет. Убить — значит разрушить, оставить после себя пепел и пустоту. Она сделала нечто иное. Когда Клаус душил Марко, когда свет свечи питал их ненависть, она просто вернула миру его первозданное состояние. Она не зажгла тьму — она просто позволила ей быть.

Белла легла на соломенный матрас, натягивая тонкое, колючее одеяло до подбородка. Она повернулась лицом к стене, туда, где теперь, в свете вновь зажженной свечи, снова металась уродливая тень. Но теперь эта тень ее не пугала. Белла знала правду. Тень — это доказательство того, что где-то рядом есть свет. Но сама по себе она — ничто. А вот то, что стоит за спиной тени, то, что заполняет пространство, когда свет уходит — вот это и есть настоящая сила.

Она закрыла глаза. В приюте снова кто-то захныкал во сне, но Белла знала: теперь это просто плохой сон. А не крик о помощи.

Она была чужой для дня. Она была чужой для крика, для суеты, для жадного, пожирающего пламени человеческих страстей. Но здесь, в темноте, под гулкими сводами монастыря, среди брошенных детей, она наконец-то была дома.

Тьма была ее колыбелью. И сегодня ночью она впервые сама качнула эту колыбель, подарив тишину тем, кто не знал ничего, кроме шума. Она не была светом в конце тоннеля. Она была самим тоннелем. Безопасным, теплым и бесконечным путем, по которому уставшие души могли уйти от боли, чтобы просто уснуть. И в этом не было ни зла, ни добра. В этом была лишь глубокая, всепрощающая, материнская правда первородной ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.